

Идеи и жизнь

КОРПОРАТИВНЫЙ СТРОИ В УЧЕНИИ ОТМАРА ШПАНА И ЕГО ШКОЛЫ

Задолго до расистского переворота в Германии, когда в немецкой научной литературе почти не приходилось встречать таких понятий, как «правлящий отбор» или «государство в качестве отдельной корпорации» (*Staat als Stand*), известный австрийский экономист Отмар Шпан уже учил о необходимости переустройства национального хозяйства на началах самоуправления хозяйственных корпораций под строгим контролем правящего отбора. Шпан решил занять эту позицию, так как предвидел, что проблема корпоративного хозяйства станет актуальной в Германии и Австрии как только, нормальная эволюция капитализма будет приостановлена назревающей вспышкой экономического национализма.¹⁾ Впоследствии учение Шпана, боровавшегося между прочим и за идеалы романтической схоластики, было подхвачено плеядой молодых австрийских экономистов, объединенных в вьенском обществе «друзей корпоративного строя», и вылилось в стройную теорию об автономном, но все же «контролируемом» хозяйстве. По мере развития европейских событий и обострения мирового кризиса, Шпан и его школа все острее сознавали отсталость современной научной терминологии и отсутствие решимости у авторитетных экономистов пересмотреть уже устаревшее классическое учение о хозяйственном строе. В частности Шпан принадлежит к числу тех экономистов, которые впервые заговорили о необходимости противопоставить интегральному коллективизму какую-либо форму «управляемого хозяйства», сохраняющего частно-хозяйственную основу.²⁾ Правда, экономическая мысль в Германии и Австрии не остановилась на классификации хозяйственных систем, предложенной Шпаном и его школой, но смелая попытка вьенцев сочетать экономический либерализм с универсализмом оказала значительное влияние на позднейшее учение о новых капиталистических, идеократических и,

1) См. *Othmar Spann, Der wahre Staat*. Leipzig 1921. Теперь 3-ье издание, Verlag G. Fischer. Jena 1931.

2) См. *Othmar Spann, Taxe und lebendige Wissenschaft*. 3. Auflage. Verl. Fischer. Jena 1929.

отчасти, недемократических формах управляемого хозяйства. Чтобы понять общий характер австрийского корпоративизма и иметь возможность противопоставить его итальянскому фашизму, необходимо дать более актуальную классификацию важнейших форм управляемого хозяйства, в основу которых находились бы теория Зомбарта о «стиль» национального хозяйства, зависящем от направляющей идеи данного строя, и учение Шпана о государстве в качестве верховного организатора производственных отношений при любой системе хозяйства.

События последних 5-6 лет в Германии и С.А.С.Ш. показали, что «зрелая» фаза капитализма переходит в условиях форсированной эволюции в систему «организованного хозяйства на частно-хозяйственной основе», которая определяется научной литературой как связанная или социальная стадия капиталистического строя. В условиях этой системы борьба финансового капитала, частно-хозяйственной монополий и мощных профессиональных союзов смягчается и регулируется экономической политикой государства, рационализированной в интересах оптимальной автаркии. Государственное вмешательство в техническое и бытовое регулирование народного хозяйства со стороны частного сектора принимает весьма сложные формы административного протекционизма и государственной конъюнктурной политики, постепенно охватывая весь комплекс хозяйственных отношений. Появляется целый ряд таких сложных экономических феноменов, как тонко организованная система государственных субвенций частному хозяйству, контроль над внешней торговлей и девизными расчетами, подчинение финансовой и валютной политики государства интересам оптимальной самодостаточности, регулирование платежного баланса, борьба государства с депрессией и безработицей различными мерами конъюнктурной политики и проч. Подобная «связанная» фаза капитализма, наблюдавшаяся в Германии незадолго до расистского переворота, является наиболее либеральной формой «управляемого» хозяйства и имеет тенденцию эволюционировать в сторону более радикальной и авторитарной стадии капитализма, которую можно было бы назвать «регулируемым хозяйством на капиталистической основе». Конечно, границы между связанным и регулируемым капитализмом чрезвычайно текучи. Но все же подлинная плановость могла бы проявиться при капитализме лишь в том случае, если экономическая политика государства, будучи уже рационализированной, не только стала бы намечать постепенное подчинение частного хозяйства «направляющей идее» цѣлаго, но и превратилась бы в прямое орудие социально-экономического плана, вырабатываемого каким-либо государственным учреждением или автономным экономическим советом под контролем государства. Расширение доли государства в национальном доходе является при этом неизбежной предпосылкой. Тенденция связанного капитализма эволюционировать в сторону такой, более автори-

тарной системы, которую нельзя назвать интегральным, плановым хозяйством только потому, что техническое и бытовое регулирование не поглощаются планом, уже проявлялась в Германии накануне фашистской революции и находит частичное отражение в экономических «опытах» Рузвельта и Кемаля Ата-Турка.

Экономическая действительность знакомит нас на ряду с этим новыми, по существу антилиберальными, формами капиталистического строя еще с двумя типами цѣлостнаго «идеократическаго хозяйства» на частно-хозяйственной основѣ, в котором весь комплекс хозяйственных отношений пронизывается цѣлостной идеей правящаго отбора. Любая из этих форм управляемаго хозяйства национал-идеократии выпадает из рамок капиталистического строя, так как принцип рентабельности замѣняется цѣлостной идеей олигархии, сохраняя лишь подсобное значеніе, а организация труда и владѣніе частной собственностью превращаются правящим отбором в сложную систему «воспитанія» в духѣ господствующаго цѣлостнаго мировоззрѣнія. Наименѣе авторитарной формой регулируемаго хозяйства национал-идеократии является «корпоративно-цѣлостная» система итальянскаго фашизма, в которой наблюдается скрытое управленіе хозяйством в интересах цѣлостнаго мировоззрѣнія фашистской идеократии при помощи іерархii лояльных власти корпораций. Болѣе авторитарный характер выявляет «авторитарно-цѣлостный» строй германскаго национал-соціализма, осуществляющій политизацию хозяйства через государственных опекунов труда и партійную іерархію, проникающую в частный сектор под видом внѣклассоваго «фронта труда» и фабричных ячеек расистскаго правящаго отбора. Назрѣвающая іерархія корпораций имѣет в этом строѣ лишь подсобное значеніе.³⁾ Менѣе авторитарным, чѣм любое идеократическое хозяйство, явилось бы, в случаѣ осуществления, «авторитарно-корпоративный» строй, проповѣдуемый австрийскими универсалистами во главѣ с Отмаром Шпаном. В условиях этого строя, сохраняющаго оптимальную автономію хозяйственных корпораций, экономика должна была бы избѣгать подчиненія политикѣ, и социально-экономическій план, вырабатываемый Центральным Совѣтом корпораций, регулировался бы направляющей идеей планируемаго хозяйства внѣ прямого давленія со стороны политическаго мировоззрѣнія правящаго отбора. Подробному разбору этой системы и посвящается настоящій очерк.⁴⁾

3) См. мои статьи «Германскій национал-соціализм как социально-экономическое явленіе», «Новый Град» № 8. 1934 г. и «Крестьянская проблема в Средней Европѣ», «Новый Град» № 10. 1935 г. Париж.

4) Важнѣйшія положенія программы Шпана, см. в талантливой книгѣ Wilhelm Longert'a, *Liberales oder organische Staats- und Wirtschaftsordnung?* Erneuerung Verlag. Berlin 1931. В послед-

Учение Отмара Шпана о корпоративном строе, оказавшее большое влияние на экономическую мысль в Германии и Австрии, нередко смешивается с учением итальянского фашизма о целостном корпоративном хозяйстве. Даже виднейшие расистские экономисты Федер и Бухнер, по видимому, склонны считать Шпана и его последователей фашистами немецкого толка. Конечно, переход от корпоративной системы Шпана к фашистскому строю не представлял бы, с политической точки зрения, непреодолимой трудности. Но все же между идеократией, подчиняющей экономику политике, и правящим отбором, не навязывающим хозяйству своего мировоззрения, имеется большое различие. При внимательном чтении важнейших работ ближайших учеников Шпана, австрийских экономистов Вальтера Гейприха и Вильгельма Анджез, не остается сомнения, что корпоративный строй вообще рвется с основными положениями синдикализма, отталкивается от фашизма и приближается к идеалам авторитарной демократии.⁵⁾ Если различие между системой Шпана и фашизмом заключается прежде всего в отказе австрийских университетов от идеи политизации хозяйства, то разрыв Шпана с синдикализмом объясняется иным толкованием корпоративного строя, который в учении венской

нее время в русской зарубежной литературе делаются попытки создать новую классификацию новейших систем хозяйства в духе какого-либо «дуализма». Так, некоторые экономисты различают между «органическими» и «неорганическими» системами хозяйства; другие рассматривают любой хозяйственный строй с точки зрения «хозяйствующего субъекта», делая различие между индивидуализмом и коллективизмом. Думается, что эти попытки не встретят общего признания. Конечно, любую форму целостного хозяйства можно считать «органической», но, придерживаясь подобной классификации, мы лишаем себя возможности учесть различие между фашизмом и национал-социализмом, не говоря уже о полной невозможности противопоставить американскую систему итальянской, или пойти вообще между советским хозяйственным строем и его идеократическими антиподами на Запад. Еще более спорной представляется нам классификация, построенная на противопоставлении индивидуализма коллективизму. Здесь не только было бы затруднительно разобраться в отдельных формах экономического индивидуализма, но даже и сговориться о характере того или иного «хозяйствующего субъекта». Сторонники этой классификации стали бы утверждать, что системы фашизма и национал-социализма являются «индивидуалистическими» (т.е. одной из форм капитализма), в то время как мы, исходя из идеи «стиля», полагаем, что любая форма целостного хозяйства регулируется правящим коллективом. Ведь, нельзя же, например, отрицать, что весь комплекс хозяйственных отношений в Италии подпадает, согласно новому закону о корпорациях, действительному регулированию со стороны главы правительства и представителей идеократии внутри корпоративной иерархии.

⁵⁾ См. *Walther Heinrich*, *Das Ständewesen*. Verlag G. Fischer. Jena 1932 и *W. Andreae*, *Staatssozialismus und Ständestaat*. Verlag G. Fischer. Jena 1931.

школы не должен выражаться в поглощении государства корпоративным хозяйством. Очень ярко эта мысль высказана в талантливом трудѣ Гейнриха, в котором мы находим между прочим слѣдующее положеніе: «Противники корпоративной идеи указывают на невозможность построить государство на корпорациях, так как хозяйство не является фактором при созданіи государственной власти. Критика эта касается ложнаго ученія синдикалистов. Подлинный корпоратизм настаивает на самочинном возникновеніи государства и допускает корпоративное строеніе общества и государства без полнаго раскрытія корпоративной идеи в экономикѣ.⁶⁾

Весьма многогранным и глубоким является расхожденіе австрійскаго корпоративизма с итальянским фашизмом. Программа австрійских универсалистов отрицает, в отличіе от корпоративной системы Италіи, всякую прямую связь между государством и хозяйством, считая іерархію профессиональных объединеній простым выявленіем корпоративнаго начала в національном хозяйствѣ, которое должно в их системѣ принять форму самостоятельной, хотя и «контролируемой» корпорации. Терминологию Шпана и его школы нѣсколько усложнена двойным употребленіем слова «корпорация»; с одной стороны, «національное цѣлое» распадается в условіях корпоративнаго строя на ряд «самочинных корпораций» в видѣ корпоративнаго государства, корпоративной церкви и т. д.; с другой стороны, народное хозяйство, принявшее форму корпораций, состоит из множества хозяйственных групп населенія, не имѣющих прямого отношенія к корпоративному строю цѣлаго. Чтобы не смѣшивать второе понятіе с первым, нѣмецкая научная литература противопоставляет термину «корпорация» (напримѣр, *Wissenschaft als Stand*) термин «профессиональная или хозяйственная корпорация» (*Berufsstand*). Если отбросить идею политизации хозяйства и внимательно всмотрѣться в корпоративный строй фашистской Италіи, то мы увидим, что фашизм занимает промежуточное положеніе между синдикализмом и австрійским универсализмом. С одной стороны, корпоративное государство фашизма имѣет «самочинный» характер и не вытекает из іерархіи хозяйственных организаций, как этого хотѣли бы синдикалисты; с другой стороны, цѣлостное фашистское государство поглощает «національное цѣлое» и превращает хозяйственные корпорации, надѣляемые оптимальной свободой в системѣ австрійскаго универсализма, в государственные органы, обладающіе весьма призрачной автономіей. Вѣдь, не слѣдует забывать, что «корпоративное государство» Муссолини пользуется іерархіей лояльных власти корпораций, чтобы смягчить, а отчасти даже и замаскировать управленіе хозяйством во имя цѣлостной идеи правящаго отбора. Службное значеніе хозяйственных

⁶⁾ См. *Walther Heinrich, Das Ständewesen. Verlag Gustav Fischer, Jena 1932.*

корпораций в системѣ фашизма подчеркивается новѣйшей эволюціей корпоративнаго строя Италіи, смысл которой заключается в надѣленіи корпораций, включающих в свой состав представителей правящаго отбора, законодательной, нормировочной и исполнительной функціей в области регулированія производства. Если пользоваться терминологіей Шпана, то слѣдует признать, что центральной проблемой итальянскаго фашизма является не только корпоративное хозяйство, но и корпоративное строеніе общества, выражающееся в іерархіи равноцѣнных, но неравных по своему социальнo-экономическому положенію сословій, и превращеніе государственной власти в отдѣльную «корпорацию», обладающую цѣлостным мировоззрѣніем. Сторонники фашизма обыкновенно ставят в упрек націонал-соціализму, что политизация хозяйства в Германіи происходит непосредственно через іерархію государственных и партійных органов, а не через хозяйственныя корпорации, обладающія относительной автономіей; тот же упрек и, пожалуй, не без нѣкотораго основанія дѣлают австрійскіе универсалисты и корпоративному строю фашистской Италіи. Безусловно управленіе хозяйством смягчается в Италіи нѣкоторой самодѣятельностью корпораций, но все же разница между обоими идеократическими теченіями заключается не столько в подчеркиваніи или замалчиваніи корпоративнаго начала в экономикѣ, сколько в большей или меньшей степени государственнаго вмѣшательства в хозяйство и в нѣсколько ином пониманіи социальнo-связанной собственности. В общем можно сказать, что хозяйственный строй распекской Германіи является значительно болѣе «авторитарным» (и даже, пожалуй, болѣе цѣлостным), чѣм строй итальянскаго фашизма.

Но, если австрійскій универсализм отталкивается от фашизма, то почему же Шпан и его школа не в силах это внушить даже столь благожелательнымъ к ним критикам, как клерикалы-католики, которые, согласно энцикликѣ Пія XI «*Quadragesimo anno*» от 15 мая 1931 года обязаны поддерживать любое корпоративное движеніе в католических странах? Почему и им сдается, что вѣнское общество друзей корпоративнаго строя, быть может, и помимо своей воли, играет роль проводника тоталитарнаго строя в Австріи? Думается, что корень недоразумѣнія заключается в слѣдующем. Австрійскіе универсалисты, руководимые Шпаном, не сочувствуют политизации хозяйства со стороны какой-либо идеократіи, но выступают с большей рѣзкостью против марксизма и либерализма.⁷⁾ Критики марксистской доктрины и открытое высказываніе против капитализма и формальной демократіи сблизили Шпана и его послѣдователей с видными теоретиками націонал-соціализма и фашизма, которые видѣли в

⁷⁾ См., напримѣр, W. *Heinrich*, *Staat und Wirtschaft, Erneuerungs Verlag*. Berlin 1931; Othmar *Spann*, *Die Irrungen des Marxismus*. Erneuerungs Verlag. Berlin 1931.

австрійської в'євської школи в'єсьма ц'єнного союзника в боротьб'є з господствующим либеральним и марксистским м'єровоззр'єнями. Да и сейчас в Третьем Рейх'є романтизм и корпоративизм Шпана, пожалуй, ближе и понятн'єй идологам расизма, ч'єм мен'єе романтическое и органическое учение «неогегельянца» Зомбарта, хотя и сблизившагося с доктринной национал-социализма в своем посл'єднем труд'є о «германском социализм'є». ⁸⁾ И еще одно важно: желание Шпана придать всему «национальному ц'єлому» корпоративный характер заставляет его конституировать «государство» в качестве самочинной корпорации, входящей в национальное ц'єлое на правах независимаго верховнаго арбитра и контролера других корпораций, возникших самостоятельно для выполнения различных функций социального организма нации. Никакого сближения с фашизмом и вообще с ц'єлостной системой эта точка зр'єния в себя не таит. Наоборот, она может укрепить независимость хозяйства, религии, науки и других сфер культуры, ибо выполнение правящим отбором, хотя и очень важных, по все же строго определенных функций прямой администрации, верховнаго руководства и общаго контроля как бы даже предохраняет национальное ц'єлое от поглощения его ц'єлостным государством. В этом явлении, в нежелании над'єлать свой правящий отбор ц'єлостным мировоззр'єнием, коренится в'єсьма глубокий пункт сближения Шпана и его школы с авторитарной демократией. Политические требования австрийского универсализма сводятся, в конечном итоге, к созданию независимаго ордена «профессиональных» правителей, являющихся специалистами по различным вопросам национальной культуры. В этой своеобразной обстановк'є, среди правящаго отбора и автономной армии, которая тоже посл'єдовала бы корпоративному строению ц'єлаго, сохранилось бы н'єкоторое народоправство в области религии, хозяйства, науки, так как государство не только не стало бы м'єшать самоутверждению в'єс'єх остальных корпораций, но и отдало бы им часть своих функций, превратив эти корпорации в органы самоуправления, контролируемые верховной властью. Если бы Шпан и его ученики не настаивали на выд'єлении правящаго слоя в самочинную корпорацию, напоминающую касту «природных вождей», хотя бы и лишенных ц'єлостной доктрины, то их корпоративный строй фактически совпал бы с программой т'єх течений авторитарной демократии, которые отвергают подлинный синдикализм и настаивают на смягченном и замаскированном регулировании национального хозяйства через иерархию автономных корпораций.

Как же рисуется австрийским универсалистам организация хозяйства в корпоративном стро'є будущего? В виду того, что государство становится организатором хозяйства и может руководить только организацией себя подобной, то национальное хозяйство должно

⁸⁾ См. Werner Sombart, *Deutscher Sozialismus*, Berlin 1934.

приобрести форму контролируемой корпорации, обладающей само-бытностью и полной «суверенностью» при техническом выполнении своей основной функции — что выражается немецким термином «Sachsoverenität». Организация народного хозяйства, ставшая отдельной корпорацией, выразится в образовании целой сети публично-правовых корпораций (Berufsstände), способных взять на себя, наряду с чисто хозяйственными функциями, также и задачи государственного и культурно-общественного характера. Корпорации должны быть организованы по территориальному признаку и по «производственным циклам», т.е. по отраслям промышленности. Наряду с ними будут возникать профессиональные объединения различных специалистов и подсобные корпорации по признаку сырья. Если взять в качестве конкретного примера производство соды, то в условиях корпоративного строя возникает целая иерархия хозяйственных корпораций, имеющих прямое или косвенное отношение к данной отрасли химической промышленности. Организация производства соды примет приблизительно следующий вид: содовые фабрики в провинции, местное и областное объединение производителей химического сырья, различные территориальные организации химической промышленности, областное и центральное объединение всех отраслей обрабатывающей промышленности и химический отдел центрального совета хозяйственных корпораций.

Несмотря на некоторую децентрализацию народного хозяйства, которая скажется в образовании целой сети корпораций, можно предполагать, что иерархический принцип корпоративного строя, подчеркиваемый Шпаном, и наличие в каждом данном случае только одной официально признанной корпорации облегчат правящему отбору вмешательство в хозяйство и придадут экономическому строю австрийского универсализма почти целостный характер. Нужно подчеркнуть, что и Верховный Совет хозяйственных корпораций, являющийся руководящим центром корпоративного хозяйства, возник бы в системе Шпана не только в качестве органа самоуправления, но и как учреждение смешанного типа, включив в свой состав представителей государства, церкви, науки и других «самобытных» корпораций национального блага. Можно сомневаться, что активное участие правящего отбора, корпоративной бюрократии и армии в Центральном Совете хозяйственных корпораций не ограничит самоуправления хозяйства и не приведет его к подчинению политическим целям правящего отбора. Интересно отметить, что и социальная программа австрийского универсализма имеет много общего с фашистской хартией труда, допуская профессиональное движение рабочих только в недрах корпоративной иерархии, отрицающей марксистский принцип классовой борьбы. В этом отношении фашистское законодательство оказывается, пожалуй, даже более «либеральным», так как Шпан и его шко-

ла не идут на создание отдельных синдикатов, довольствуясь образованием рабочей секции при каждой данной корпорации, что должно, по их мнению, обезлечить рабочим некоторое влияние на общія судьбы національнаго хозяйства. Впрочем, различіе между социальными программами Шпана и фашизма имѣет формальный характер; вряд ли приходится сомнѣваться, что и рабочіе синдикаты фашистской Италіи являются при мѣропріятіях, касающихся регулированія производства, простымъ подъотдѣломъ хозяйственныхъ корпораций, имѣющихъ при этомъ не самобытный, а чисто государственный характер.

Изъ всего вышеизложеннаго слѣдуетъ, что корпоративный строй австрійскаго универсализма занимаетъ промежуточное положеніе между фашизмомъ и корпоративнымъ строемъ авторитарной демократіи. Несмотря на натянутыя отношенія Шпана с преемниками Дольфуса, приведшія къ уходу нѣкоторыхъ видныхъ представителей «Вѣнской школы» въ ряды условныхъ расистовъ, «христіанское, корпоративное и авторитарное» государство, пришедшее на смѣну австрійской республикѣ, тѣснѣйшимъ образомъ связано с идеологіей Шпана и его послѣдователей.

Между конституціей покойнаго Дольфуса въ ея первоначальной редакціи и программой Шпана имѣлась только одна существенная разница: представленіе коммунальнымъ органамъ права выбирать авторитарнаго правителя и созданіе Федеральнаго Сейма (Bundestag), обязаннаго сотрудничать с правительствомъ при выработкѣ общихъ законовъ. До извѣстной степени можно сказать, что Дольфусъ предпочелъ программу Рудольфа Штейнера, отвергавшаго идею правящаго отбора и стремившагося къ авторитарной демократіи. Въ то время какъ Шпанъ и Гейнрихъ рекомендовали надѣлать каждую сферу культуры автономнымъ верховнымъ совѣтомъ, центральное объединеніе которыхъ составило бы высшій корпоративный органъ національнаго цѣлаго, Дольфусъ отдалъ предпочтеніе проекту Штейнера, предлагавшему выдѣленіе трехъ автономныхъ корпоративныхъ совѣтовъ, которые представляли бы интересы государства, хозяйства и «культуры» въ дѣлѣ общаго законодательства. Впрочем, и тутъ Дольфусъ сдѣлалъ нѣкоторую уступку Вѣнской школѣ, объединивъ эти совѣты въ Федеральный Сеймъ, рассматривающій законопроектъ правительства, подвергшіеся предварительному изученію со стороны Государственнаго Совѣта и подлежащей высшей корпоративной организаціи. Федеральныи Сеймъ состоитъ въ настоящее время изъ 20 представителей Государственнаго Совѣта, назначаемыхъ правителемъ, изъ 20 представителей Экономическаго Совѣта, 10 представителей Совѣта Культуры и 9 представителей членовъ-государствъ, назначаемыхъ мѣстными губернаторами. Право законодательной инициативы составляетъ монополію правительства: Сеймъ не можетъ вносить никакихъ поправокъ; онъ или принимаетъ правительственный законопроектъ или его полностью отвергаетъ. Бюджетъ же не можетъ быть отвергнутъ цѣликомъ: здѣсь возможны только поправки.

Слѣдовательно, Дольфус придал австрійскому корпоративному движению, находившемуся по двлініем Шпана, менѣе «аристократическій» характер. Что же касается «подконтрольнаго народоправства», то тут Дольфус оказался болѣе консервативным. Не слѣдует забывать, что Вѣнская школа предоставляла всѣм корпоративным частям національнаго цѣлаго не только право самоуправленія, но даже и в тѣх случаях, когда их автономное законодательство могло бы нарушить интересы націи, право законодательнаго почина. Напротив, в системѣ Дольфуса мы не только не видим принципа широкаго самоуправления корпорацій, но даже и в дѣлѣ общаго законодательства авторитарное правительство обладает монополіей на право законодательной инициативы. Характерно, что конституція канцлера Дольфуса покоится на католической идеологіи, лежащей в основѣ и универсализма Шпана. Правда, примат государства нигдѣ не нарушается Шпаном и его школой, и корпорація духовенства подлежит в их системѣ контролю правящаго отбора в интересах націи, но религія все же признается ими важнѣйшей функціей національнаго цѣлаго. В этих условіях всегда можно было бы ожидать превращенія авторитарнаго правительства в теократію, которая, по всей вѣроятности, приняла бы цѣлостный характер. Все же Дольфус пошел в этом отношеніи дальше Шпана, открыто оперев свой корпоративный строй на папскую энциклику «Quadragesimo anno» и провозгласив «божественное происхожденіе» своей диктатуры.

Дальнѣйшее развитіе австрійскаго корпоративизма доставленнаго Дольфусом на рельсы условной авторитарной демократіи, все болѣе отклоняется не только от программы Шпана, но и от идеологіи самого Дольфуса. Правящій отбор Австріи, составившійся из слиянія клерикальной партіи канцлера Шушнига с фашистскими формациями князя Штаремберга, постепенно пріобрѣтает характер своеобразной націонал-демократіи; созданныя хозяйственныя корпораціи, монополизующія отдѣльныя отрасли національнаго хозяйства, начинают опредѣляться параллельными политическими организаціями правящаго отбора; самоуправленіе хозяйства может превратиться в фикцію. Однако, каковы бы не были послѣдствія дальнѣйшей эволюціи австрійскаго корпоративизма, ученіе Шпана и его школы войдет в исторію корпоративнаго движенія не только в Австріи и Германіи, но, пожалуй, даже и во всей Центральной Европѣ.

Б. С. Ижболдин.

ДУХОВНЫЙ ПУТЬ ФРАНЦУЗСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Два года тому назад, на страницах этого журнала, Н. А. Бердяев дал исчерпывающій очерк «Исканій соціальной правды молодой